

Коннотация как сопутствующее значение языковой единицы

Что есть *коннотация*? Как термин и связанное с ним понятие *коннотация* возникло в логике схоластов и через грамматику Пор-Рояля в XVII в. проникает в языкознание. С его помощью обозначаются свойства (акциденции) в отличие от субстанций. В логике коннотация (интенциональный, содержательный момент) противопоставляется денотации или экстенсионалу, который представляет собой некую понятийную сущность. Д.С. Милль [1: 871] считал, что «значение (meaning) названия не основывается на том, что это название означает, а на том, что оно со-означает». О. Эрдман, рассматривая понятие, предлагал тройкую его интерпретацию: а) понятийное содержание; б) попутный, добавочный смысл; и в) чувственный элемент, который связан с настроением [2: 106]. Schippan утверждает, что «отдельные значения есть нечто большее, чем только понятийное ядро, т.е. определенные слова вызывают у всех членов языкового сообщества определенное эмоциональное действие» [3: 535]. Чуть позже О.С. Ахманова дает свое определение: коннотация – это «добавочное значение, окраска, окрашенность. Дополнительное содержание слова, его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-социально-оценочных обертонов» [4: 203-204].

Зачастую коннотация понимается в широком и узком смысле слова. «В широком смысле это любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию, на основе эмпирических, культурно-исторических, мировоззренческих знаний говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящим к обозначению или стилистическими регистрами, характеризующими условия речи, сферу языковой деятельности, социального отношения участников речи, ее форму и т.п. В узком смысле это компонент значения языковой единицы, выступающий во вторичной для нее функции наименования, который дополняет при употреблении в речи ее объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы именования, т.е. признаков, соотносимых с буквальным смыслом тропа или фигуры речи, мотивировавших переосмысление данного выражения» [6, 1990] (ср., осел – животное и осел – как оскорбительное именование человека).

Коннотацию, по нашему мнению, нельзя рассматривать отдельно от *оценки*. Аксиологическая оценка как компонент плана содержания языковой единицы фиксируется тем компонентом лексического значения слова [6: 214], который О.С. Ахманова называет стилистической коннотацией: «оценка – суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т.п. – как одна из основных частей стилистической коннотации» [4: 305]. Эти коннотации порождаются в онтогенезе общения на том или ином языке и соотносятся с нормативами культуры. Как отмечает Г.В. Токарев, «оценочные и эмотивные коннотации могут быть результатом соотнесения с культурными установками (правилами поведения), стереотипами, фоновыми знаниями» [5: 58]. О культурных коннотациях говорят С.Г. Фрост [8], на дополнительные, оценочные концептуальные элементы указывают Л.А. Ветюгова и Й. Рот [9, 8].

По мнению В.Н. Телия, «практически все оценки относительны, так как они зависят от эмпатии ..., а потому большинство оценочных значений амбивалентны: они меняют свой «+» на «-» в зависимости от ценностной ориентации говорящего». Специфика оценочной номинации состоит в том, что «говорящий выражает не только определенное интеллектуальное содержание, но и закрепленное в речевой практике оценочное отношение к языковой единице и через нее к обозначаемой ситуации» [6: 44-45].

Что касается «коннотации» и «оценки», то в научной литературе сложилась парадоксальная ситуация. Исходя из двойного соотнесения слова-знака – одно соотнесение по линии слово-знак и денотат, второе соотнесение по линии слово-знак и понятие, а также, опираясь на логико-философские представления, что «понятие» – это феномен рационального мышления, а оценка – это феномен иррационального, чувственного отношения к реальной действительности, «коннотация» и «оценка» приобретают некое «дополнительное» существование в семантическом содержании слова-знака. «Коннотация» и «оценка», по мнению многих лингвистов, суть некий семантико-ценностный «довесок» к основному денотативному значению слова. По нашему мнению, и коннотация, и оценка – феномены социальной семантики слова, непосредственно входящие в его смысловую характеристику, оба феномена представляют собой внутреннюю социальную семантику слова. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением, что социальная семантика слова есть некое «социальное созначение» [10], т.е. некий социально-семантический «довесок» типа: «под социальным созначением слова, или его общественно-социальным признаком, разумеется сопутствующая

предметно-логическому значению и входящая в его смысловую структуру (в смысловую структуру, а не в семантическую квалификацию значения) социальная детерминированность слова, его потенциальная способность к функционированию в социально обусловленных речевых ситуациях» [11: 113]. Приведенные ниже примеры коллоквиальных глаголов немецкого литературного языка доказывают утверждение о том, что вне зависимости от контекста, социальной ситуации, данные глаголы можно уверенно разделить на глаголы с положительной, отрицательной и нейтральной семантикой, т.е. их значение входит в семантическое содержание слова:

Таблица 1

положительно	отрицательно	нейтрально
durchlavieren, sich – sich unter Ausnutzung aller Vorteile geschickt durchbringen (ловко, мастерски преодолевать ситуацию)	durchlügen, sich – sich mit Lügen durchhelfen (пробиться с помощью лжи)	durchwagen – wagen durch etw. hindurch zu gehen (колеблясь решиться пройти)
absegnen – die Ausführung eines Vorhabens o.Ä. segnen (дать благословение)	eiern – sich ungleichmäßig drehen, bewegen (делать восьмерку, восьмерить – о колесе велосипеда, телеги, автомобиля)	fußballern – Fußball spielen (играть в футбол)
herunterhelfen – j-m nach unten helfen (помочь спуститься)	hopsen – schlecht tanzen (плохо танцевать, больше подпрыгивать, чем делать танцевальные шаги)	
	miefen – schlechten, als unangenehm empfundenen Geruch verbreiten (вонять)	
	rufmorden – diskreditieren, etw. übles nachreden (клеветать)	
	Angiften – böse schimpfen (со злостью, намеренно шутить)	
	betatschen – grapschen (лапать)	

Необходимость соотнесения терминов оценочность и коннотативность неизбежно возникает, как только внимание исследователя сосредотачивается непосредственно на структуре значения слова. Принято различать денотативный и коннотативный аспекты значения [4], с одной стороны, а с другой, – стилистический и эмотивно-оценочный как две разновидности коннотативного значения слова. Последней точки зрения придерживается А.Я. Шайкевич [11: 124]. Коннотация может пониматься и намного шире – как «ассоциации, связанные со значением данной языковой единицы» [Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике, 2001] или семантические ассоциации [13: 92], тогда как В.И. Шаховский различает ассоциации и коннотации [13]. Так или иначе, коннотативный аспект значения слова связывается (согласно переводу: *connotation* – коннотация, со-означение) с аддитивным слоем или элементом семантики, отличным от денотативного, ядерного значения, или компонента значения. Приведем определения коннотации из словарей О.С. Ахмановой и АБВУУ Lingvo 9.0: «дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение ... могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т.п. [4], «дополнительное, сопутствующее значение языковой единицы или категории; включает семантические и стилистические аспекты, связанные с основным значением» [АБВУУ Lingvo 9.0, 2003].

Заметим, что «представление о знаке как находящемся в отношении обозначения к объектам, прогрессивное еще 20 лет назад, сегодня стало неадекватным и даже вредным. Чтобы понять знак, нужно рассматривать его не в отношении к объектам, а в отношении к деятельности (в нашем случае, к речевой деятельности, речевому поведению), элементом которой он является и благодаря которой он получает смысл и значение» [14: 432]. И это было сказано в 70-е гг. XX столетия.

Общим местом для всех определений и утверждений о коннотации и оценке являются понятия: «дополнительное» и «сопутствующее», а сама оценочность входит в коннотативность. В принципе же «в языке нет двух строго отграниченных друг от друга систем: системы логических и системы аффектных значений. Их разделение – это всего лишь необходимая абстракция ... Она не более искусственна, чем различие между рассудочными и эмоциональными актами мысли, которые в действительности отдельно не существуют» [15: 23]. Следовательно, нет необходимости разделения на денотативное значение и «сопутствующую» ему «коннотацию». И то, и другое – структурные компоненты

значения слова одного и того же уровня.

Итак, социально-оценочное есть не просто привходящее, и привнесенное, соположенное, сконнотированное, согласно рассуждениям Аристотеля [16], дополнительное, сопутствующее, оно включено в семантико-категориальную основу значения слова. Отсюда следует, что рассмотренные социально-ценностные моменты семантики слова: норма, ценность (оценка), коннотация, стереотип и другие, представляют собой не нечто сопутствующее основной денотативной семантике слова, ассоциирующее с ней. Они суть, во-первых, феномены социальной семантики в значении слова, во-вторых, они являются не сопутствующими семантическими феноменами, а значение образующими факторами [17], входящими непосредственно в семантическое содержание слова.

Библиографический список

1. Милль Д.С. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. 2-е изд. СПб., 1914.
2. Erdmann K.O. Die Bedeutung des Wortes. Aufsätze aus dem Grenzbereich der Sprachpsychologie und Logik. 4. Auflage. Leipzig: Haessel Verlag, 1925. 226 S.
3. Schippan Th. Wort und Kontext // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Berlin, 1966. 19. 533-552 S.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 203-204.
5. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале презентаций концепта «Труд» в русском языке). Волгоград: Перемена, 2003. 232 с.
6. Мельникова Е.Н. Значение семантических категорий при синтаксическом преобразовании немецких инфинитивных конструкций // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 12. № 33. С. 168-173.
7. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта, 2003. 432 с.
8. Фрост С.Г. Лингвокультурологический аспект исследования коннотаций (на примере коннотаций существительных тематической группы «семья»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 19 с.
9. Ветюгова Л.А. Семантические классы объектов глаголов понимания // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2014. № 11 (101). С. 85-87.
10. Акинина Н.М. Социальная оценка как компонент значения слова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. Ч. I (Общие и гуманитарные науки): Научный журнал. СПб., 2008. № 35(76). С. 21-25
11. Шайкевич А.Я. Введение в лингвистику: учеб. пособие. М.: Изд-во Рос. Открытого ун-та, 1995. 304 с.
12. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебник. М.: Едиториал УРСС, 2004. 352 с.

13. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 191 с.
14. Щедровицкий Г.П. Понимание и мышление. Смысл и содержание // Знак и деятельность: 34 лекции 1971-1979 гг. М.: Восточная литература РАН, 2006. Книга 2. 353 с.
15. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Едиториал УРСС, 2003. 272 с.
16. Аристотель. Категории // Сочинения: в 4-х т.; под ред. З.Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978а. Т. 2. С. 51-90.
17. Акинина Н.М. Социальный аспект семантики немецких глаголов: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2009. 256 с.